

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЭСКАПИЗМА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Козырева Л.В.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Республика Башкортостан, Россия (453100, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. З. Валиди, 32), kozyreva1111@yandex.ru

В статье рассмотрен феномен эскапизма как стиль жизни субъекта, его социальная детерминация. Автором выделены объективные и субъективные причины феномена эскапизма. В классической философии эскапическая интенция понимается как специфический вид угасающей активности субъекта. Эскапизм выступает вполне адекватной реакцией критически мыслящего субъекта на теневые стороны многообразной социальной реальности. Также обоснован тезис, что эскапические реакции являются логическим проявлением развивающегося противоречивого и незавершенного комплекса «Я». Определены три группы причин, вызывающих формирование данного феномена. Психологические причины представляют собой совокупность качеств и свойств индивидуального и общественного сознания. Социальные причины образуют совокупность материальных и производных от них отношений духовной сферы, продуцируют ситуацию несвободы и зависимости, потерянности. Познавательные причины сводятся к проблеме эмпирического и теоретического знания. Ведущей причиной развитых форм эскапизма выступает рефлекслируемая субъектом личностная нереализованность в материально-предметной и идеальной областях жизнедеятельности. Но эскапизм не выступает необратимой реакцией, субъект постоянно открыт и его альтернативам.

Ключевые слова: эскапизм, множественность «Я», бытийная нереализованность индивида, праздничная доминанта, социальность эскапического дискурса.

SOCIAL DETERMINATION OF ESCAPISM: THE EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZING

Kozyreva L.V.

Bashkir State University, Republik Bashkortostan, Ufa, Russia (453100, Republik Bashkortostan, Ufa, street Zaki Validi, 32), kozyreva1111@yandex.ru

In L.V.Kozyrevoj's article the objective and subjective reasons of a phenomenon escapism are allocated. The thesis is proved that escape reactions are logic external display of a developing inconsistent and incomplete complex "I". The leading reason of the developed forms escapism acts reflective as the subject personal impossibility of realization of the plans in material-subject and ideal areas of ability to live. A thesis is also grounded, that eskapicheskie reactions are the logical display of developing contradictory and uncompleted complex «Ya». Three groups of reasons are certain, defiant formi-rovanie of this phenomenon. Psychological reasons are totality of internalss and properties of individual and public consciousness. Social reasons form totality of material and derivative from them relations of spiritual sphere, product the situation of несвободы and dependence, lost. Cognitive reasons are taken to the problem of empiric and theoretical knowledge. Comes forward leading reason of the developed forms of escapism by a refleksiруemaya subject personality unrealized in the material-subject and ideal areas of vital functions. But escapism does not come forward an irreversible reaction, a subject is constantly opened to his alternatives.

Keywords: escapism, plurality "I", impossibility of realization the individual plans, a celebratory dominant, a sociality of escapism.

Эскапизм понимается нами как стиль жизни субъекта, в котором происходит сознательная подмена его искренних и линейных отношений с социальными институтами и другими субъектами на уровень, который изначально предполагает в них притворство, имитацию, неискренность и фальшивость. При этом субъект только на определенном этапе социализации окончательно понимает, что он не может «жить своей жизнью», жизнью, которая декларативно заявляется как желательная пропагандистскими структурами, но при

практическом её воплощении единичным индивидом обнаруживаются непреодолимые препятствия. С этих позиций эскапизм выступает вполне нормальной, адекватной реакцией критически и адекватно мыслящего субъекта на скрываемые, не афишируемые теневые стороны многообразной социальной реальности, которые и оказывают на него решающее воздействие не только на инструментальном уровне, на поведении, но и на духовном его производстве, на систему его ценностей и регуляторов. Можно выделить этап в жизни индивида, когда он осознает, что не столько живет своей жизнью, сколько ему показывают, описывают, навязывают, как живут другие, с которыми он должен себя идентифицировать. Эскапизм возможен лишь при признании множественности единичного «Я». В качестве методологической основы автором выбран дискурсивный концепт множественности личности пермского философа Д.Г. Трунова. Обратимся к центральному тезису Трунова: «...полнота самобытия состоит в том, чтобы быть и объектом и субъектом...< >. Другой является основанием моего бытия, обеспечивая одновременно и мое бытие-субъектом, и мое бытие-объектом» [3, с. 148]. Только особые условия жизни, крайние обстоятельства заставляют человека отказаться от привычных эскапических практик, но полный отказ от эскапизма, несомненно, приводит к внутренней деформации личности, так как в таком случае лишь малая часть его «Я» оказывается реализованной.

Но длительная манипуляция индивидуальным сознанием индивида затруднена, общий прогресс научного знания заставляет личность обратиться к самой себе, заставляет себе задать вечный аксиологический вопрос: в чем ценность его и только его жизни, в какой степени он сам живет и в какой степени «им пользуются», его используют для достижения цели Другого.

Феномен «социальная роль» уже четко ограничивает пространство свободы субъекта, последний не столько полноценно живет, и даже не имитирует, сколько послушно и точно выполняет ему навязанную, или же им же приобретенную, или даже купленную роль, свобода в которой во многом выступает симулякром. И если он всего лишь точный исполнитель известного ему алгоритма, то, следовательно, он изначально и несвободен.

В социальной философии до сих пор распространена максима, что на первоначальном этапе формирования личности институтами социализации ей следует внушить мысль, что она сама «во многом кузнец своего счастья», что она сама определяет свой масштаб бытия. Но затем, личность, столкнувшись с тотальным безразличием к себе даже «своих» людей, столкнувшись с неустранимыми социальными и культурными проблемами, начинает понимать, что быть самим собою, говорить и делать то, что считаешь нужным и правильным, не удастся безнаказанно ни при каких, даже самых благоприятных обстоятельствах. И в такой ситуации остается только единственный выход – угождать, не

быть самим собою, подыгрывать, вписаться в ситуацию, стать послушным, программируемым, «близким к телу начальника», резиноподобным марионеточным субъектом. При этом для иллюстрации достаточно обратиться к модели молодого человека, который, к примеру, представлен в традиционных современных популярных молодежных изданиях: в них роли не борца, не творца, не создателя, а роли исполнителя, приживальщика, компаньона, содержанки и им подобные описываются как нечто само собою разумеющиеся.

В философских школах эскапизм осмысливается различно, но при этом подчеркивается, что человек стремится выйти за пределы собственного «Я», подчеркивается его способность к трансцендированию за пределы примитивного рассудка и прямой рациональности. В детстве эту функцию выполняет спонтанная игровая деятельность, позволяющая ребенку активно создавать множество непересекающихся реальностей, в которых обширный репертуар его ролей ограничивался только его физическими возможностями. По мере социализации значение игры как действительно свободной деятельности видоизменяется и заменяется активностью, которая предполагает жесткое подчинение, серьезность, ответственность и напряженность. Но по мере освоения социального и культурного пространства субъект не отказывается от имевшихся прежде модусов свободы и независимости, следовательно, эскапические реакции являются вполне логическим выражением противоречивого и незавершенного комплекса «Я» в его постоянном, нелинейном развитии и видоизменении.

В классической философии эскапическая интенция преимущественно артикулирована в деятельностном плане, которая понимается нами как специфический вид угасающей активности субъекта. Так, Гегель указывал, что интерес личности к жизни угасает в момент, когда исчезает противоположность субъекта и объекта: «...зрелый человек вследствие рутины своей духовной деятельности, равно как и притупления деятельности своего физического организма, становится *стариком*. *Старик* живет без определенного интереса...» [1, с. 91]. С.Л. Франк же иным образом отметил особенность распада жизни на внешнюю, официальную и подлинную, интимную; и если в первой человек благопристойный, подчиняющийся принципам и нормам морали, то во внутреннем мире хаос: «...как мало внутреннего света, тишины, умиротворенности, как много бунта, мук, тьмы, порочности в глубине души даже самых "светлых личностей"!» [4, с. 157].

В современных условиях развития индустрии эскапического времяпрепровождения происходит расширение области проявления личностно ориентированного эскапизма. В пространстве создаваемых социальными институтами неисчислимого множества потенциальных сценариев жизни для отдельного субъекта истинной становится только та

его часть, которая им самим определяется как «своё». Иные, потенциальные варианты для субъекта становятся непонятными, неповторимыми и нелогичными. Такой переход осуществляется в течение нескольких лет. Так, если родители подростка жили в устойчивой антиэскапической традиции, логически согласуясь с требованиями здравого смысла и практической линейной целесообразности, то их дети уже не могут повторить их, так как многие социальные регуляторы качественно изменились, появились новые, система ценностей пришла в необратимое движение. Обратимся к современному исследователю эскапизма, к творчеству В.С. Хазиева. Автор рефлексировал эскапизм в терминах «ноуменальность» и «феноменальность» жизни, а именно жизнь каждого из нас, какая бы она ни была – веселая или скучная, долгая или короткая, благополучная или злополучная, одним словом, любая – ноуменальная. В.С. Хазиев пишет: «И что хуже всего – она ноуменальная не вообще, не для других, но, прежде всего, для самого себя!» [6, с. 161]. Но в таком случае во многом теряется смысл жизни, хотя элементарный опыт свидетельствует, что человек не может просто так уйти из жизни, в таком случае эскапическая реакция уже оправдывает его нелепое существование.

Э. Фромм более категоричен, чем В.С. Хазиев, рассматривая человека как типичный товар: «Все свое время он тратит на то, к чему у него нет интереса, с людьми, не представляющими для него интереса, производя вещи, в которых он не заинтересован... Он вечный сосунок с открытым ртом, "вбирающий в себя" без усилий и без внутренней активности все, что ни обрушивает на него индустрия, развеивающая скуку...» [5, с. 247].

Так, если молодой человек не может воплотить в жизнь мечту трудиться по специальности, то это уже вызывает появление напряжения в его «Я». Зададимся вопросом: сколько людей не могут себя реализовать в полной мере. И если учитель химии работает продавцом канцтоваров, ветеринар – консультантом автомобильного центра, экономист трудится в службе охраны ночного клуба, детский психолог исполняет примитивные обязанности снабженца, а ремонт скутеров занимается дипломированный документовед, полы в офисе профессионально натирает неудачница-выпускница нефтяного колледжа, то налицо проблема реализации ими социального капитала. Поэтому основной причиной формирования эскапической реакции следует считать личностную нереализованность единичного субъекта в профессиональной трудовой деятельности.

С другой стороны, эскапизм оказывается связанным воедино с множеством других феноменов, которые маскируют его, видоизменяя структуру, свойства, качества и степень воздействия на субъекта. Наряду с явным эскапизмом, при котором субъект прямо отказывается от собственной активности в социальном взаимодействии и формирует для

себя замкнутое пространство подлинности жизни, параллельно возникают и успешно развиваются модусы атипичного эскапизма.

Но социальная группа эскапистов в отечественной культуре существовала постоянно, отчуждение как целенаправленная практика весьма привлекательна для субъекта в виде способа институализированного им времяпрепровождения. Переход на индивидуализированные формы жизнедеятельности вызывает значительные перемены в системе ценностных ориентаций и, следовательно, в системе мотиваций и установок субъекта. Становление типично рыночной экономической модели поведения и отношений между людьми закономерно вызывает коммерциализацию многих областей жизни, что и создает благоприятные условия для отчуждения.

Выделим три группы причин, вызывающих формирование данного феномена.

Психологические причины не сводятся к проявлениям конкретных психических процессов, а представляют собой совокупность качеств и свойств индивидуального и общественного сознания. Непреодолимое отчуждение человека, его излишняя атомизация и индивидуализация, стрессы, фрустрации, фобии, неуверенность в будущем, реальная опасность различных конфликтов вызывают стремление к построению комфортного, понимаемого самим человеком пространства, созданного по собственным правилам, без уродливого господства и униженного подчинения.

Социальные причины образуют совокупность материальных и производных от них отношений духовной сферы, данные отношения господствуют над людьми в повседневности, продуцируют ситуацию несвободы и зависимости, потерянности. Материальное бытие создает обстановку принуждения человека, неблагоприятные условия жизни относительно жестко фиксируют принадлежность индивида к потенциальным аутсайдерам. Личность выступает как обособленный экземпляр пустого множества, частичность ее выражается все более отчетливо по мере развития множества непонятных для него общественных процессов. Человек испытывает неконтролируемое им давление социальности, поэтому он, пытаясь вырваться из мира зависимости и неопределенности, и создает для себя особый мир, доступный его действиям, послушный его воле и желанию, мир, в котором он находит гармонию внутреннюю и внешнюю самого себя с собой и с людьми. В.В. Денисов так описывает данный феномен: «...масса людей, попавших в бедственное положение и разуверившихся в обещаниях скорой лучшей жизни, оказалась парализованной чувством апатии и безысходности, смирилась с пребыванием на «социальном дне» ...» [2, с. 21].

Познавательные причины сводятся к проблеме эмпирического и теоретического знания. Добытые знания о мире для единичного субъекта ограничены, неполны,

односторонни, даже относительные истины вызывают ситуацию неуверенности и незавершенности. Человек оказывается в системе ограниченного знания, в тесном переплетении истины и лжи, правды и манипуляции. Даже по мере накопления им жизненного опыта количество ошибок существенно не уменьшается, к тому же, в сущности, массовая культура активно использует девиации, неудачи, конфликты, проблемы как содержательный материал, тем самым внушая мысль субъекту о тщетности усилий по достижению гармонии.

Эскапизм в русской культуре прописан с различных этических и эстетических позиций. Достаточно вспомнить искусного лицемера лакея Молчалина в пьесе «Горе от ума» А.С. Грибоедова, который в настоящее время становится знаковой фигурой для массового подражания. Или фигура учителя Беликова в повести «Человек в футляре» А.П. Чехова, или герои А.Н. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо» – императив поиска личности, живущей «по правде»), или герои – подпольные, мучающиеся проблемой достижимости подлинности своего «Я» люди у Ф.М. Достоевского. Список бесконечен, для русской культуры в целом характерен поиск истинного бытия, в котором человек мог бы жить в соответствии с установлениями разумности, товарищества, братства, справедливости. В общем виде в истории человечества утопии, начиная с античности и завершая сегодняшними теоретико-методологическими изысканиями, занимают заметное место в культуре как выражение изначально «чистого» эскапического прорыва в конструировании хотя бы на уровне мысли справедливого, но никогда не реализуемого человеческого сообщества, основанного на универсальных ценностях человечности.

Итак, исследования эскапизма открывают скрытые от публичности горизонты реализации сущего в личности. Но проблема рассогласованности человеческих ожиданий и его социальной практики получает частичное разрешение в пространстве эскапического проекта, истинность «Я» оказывается вынесенной за пределы его частной жизни. Только тайная личная жизнь позволяет ей сохранить душевное равновесие между должным и реализуемым, позволяет оправдать и поддержать иллюзию собственной значимости и полноценности. При этом ему предлагается следующее оправдание: если «правильно жить» не удаётся ни при каких условиях, в той или иной степени между индивидуальным сознанием и действительностью конструируется во многом непостижимый и непреодолимый разрыв, то эскапический выход вполне логичен и закономерен, а, следовательно, и институализирован.

Если признать, что эпоха неообывателя, живущего в себе, готового ради собственного благополучия и безопасности на крайний конформизм, на соглашательство с социальными институтами уже приобретает завершённые черты, то постепенно устанавливается

обстановка тотального социального примитивизированного спектакля. Утверждать благо и творить благо становятся различающимися типами деятельности, в этой ситуации часть субъектов соглашается исполнять инструментально удобные роли, переводя пространство подлинного для себя бытия в эскапические реальности. Тем более что сегодня ни общество, ни школа, ни даже семья не в состоянии предложить молодежи четких ориентиров в жизни, защитить их от цинизма, произвола, насилия и иных социальных болезней. Депрессия и апатия становятся привычным состоянием молодого человека.

Но эскапизм, и мы настаиваем на этом тезисе, вовсе не выступает необратимой реакцией, гуманистический смысл даже реализованного эскапизма выражается в том, что субъект постоянно открыт и его альтернативам. Наличие эскапизма вовсе не блокирует окончательно искания личностью своего «Я», за границей квазижизни постоянно бурлит пусть во многом виртуальный, но поток достижимой подлинности, блага и истины.

Список литературы

1. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М. : Мысль, 1977. – 471 с.
2. Денисов В.В. Политическая культура. Теория и практика // Философия и общество. – 2006. – № 1. – С. 19-30.
3. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2008. – 256 с.
4. Франк С.Л. Сочинения. – М. : Правда, 1990. – 607 с.
5. Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? – Минск : Изд. В.П. Ильин, 1997. – 416 с.
6. Хазиев В.С. Третий Кант, или Кант – педагог // Трансформация общества: наука, педагогика, производство : мат. Всерос. конф. «Трансформация общества: наука, педагогика, производство». – Уфа, 2005. – С. 160-170.

Рецензенты

Шергенг Н.А., д.филос.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин ГОУ ВПО СФ БашГУ, г. Уфа.

Галимов Б.С., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ГОУ ВПО БашГУ, г. Уфа.